

СКВОТТЕРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ («НАХАЛОВКИ») УЛАН-УДЭ: СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

Николай Иванович Карбаинов
(nkarbainov@gmail.com),
Вера Валериевна Галиндабаева

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Карбаинов Н.И., Галиндабаева В.В. (2023) Сквоттерские поселения («нахаловки») Улан-Удэ: стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов в городских условиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 216–245. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.8>. EDN: STXFAB

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния компактного или дисперсного расселения на стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов в городских условиях. В качестве теоретического инструмента используется концепция стратегий аккультураций Дж. Берри. Слабой стороной этой теории является то, что она учитывает прежде всего дискурсивный уровень, но уделяет мало внимания уровню практик. Поэтому в нашей теоретической модели мы дополнили, опираясь на идеи П. Бурдьё, данную концепцию анализом практик. Статья основана на материалах лонгитюдного эмпирического исследования в г. Улан-Удэ. Во-первых, были рассмотрены стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов, проживающих в сквоттерских поселениях («нахаловках»); во-вторых, чтобы понять специфику социокультурной адаптации мигрантов, проживающих компактно в «нахаловках», мы сравнили их со стратегиями адаптации сельских мигрантов, которые расселяются в городе дисперсно. По результатам исследования выявлено, что сельские мигранты используют широкий диапазон стратегий социокультурной адаптации. Проведение лонгитюдного исследования показало также, что стратегии со временем могут изменяться. Важной находкой стало открытие декларативных стратегий адаптации, когда сельские мигранты говорят о следовании одной стратегии, а на уровне практик используют совершенно другие. Ключевое различие между мигрантами, проживающими компактно в «нахаловках» и дисперсно по всему городу, выявлено на примере стратегии ассимиляции. Также исследование показало, что стратегия сепарации характерна не только для жителей сквоттерских поселений, но и для сельчан, которые проживают за пределами мигрантских районов.

Ключевые слова: миграция, сельские мигранты, мигрантские кварталы, мигрантские анклав, сквоттерские поселения, стратегии адаптации, социокультурная адаптация, Бурятия, Улан-Удэ.

Введение

Проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающих обществах — одна из ключевых тем в исследованиях миграции. Важную роль в процессе адаптации и интеграции наряду с другими факторами играет характер расселения мигрантов. Они могут проживать дисперсно, а могут селиться компактно, создавая мигрантские районы. Во многих городах мира мигрантскими районами, большинство жителей которых составляют сельские мигранты, в некоторых случаях становятся сквоттерские (неформальные) поселения. Они широко распространены в городах развивающихся стран, а также в постсоциалистических странах, в том числе в государствах бывшего СССР (Tsenkova et al. 2009; Yessenova 2010; Isabaeva 2020). На постсоветском пространстве сквоттерские поселения известны под такими названиями, как «нахаловки», «самоволки», «самострой», «новостройки» или «нахалстрой». На наш взгляд, одним из ярких примеров мигрантских районов в российских городах, компактно населенных сельскими мигрантами, являются «нахаловки» Улан-Удэ.

Мы рассмотрим, каким образом компактное проживание в «нахаловках» влияет на адаптацию сельских мигрантов в городе Улан-Удэ. Адаптация мигрантов происходит в различных полях: социально-экономическом, социокультурном, политико-правовом и т.д. Разумеется, на уровне реальных адаптационных практик мигрантов все эти поля взаимосвязаны, но для целей научного анализа их важно различать. Мы сосредоточимся только на одном измерении — социокультурной адаптации сельских мигрантов.

Цели статьи, во-первых, проанализировать стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов, проживающих в сквоттерских поселениях («нахаловках») Улан-Удэ; во-вторых, понять специфику социокультурной адаптации мигрантов, проживающих компактно в «нахаловках». Для этого мы сравним их со стратегиями адаптации сельских мигрантов, которые живут в городе дисперсно.

В первом разделе мы рассмотрим теоретико-методологические основания и эмпирическую базу нашего исследования. Во втором разделе мы опишем город Улан-Удэ как конфигурацию пространств, в которых адаптируются сельские мигранты. Третий раздел посвящен феномену сквоттерских поселений («нахаловок») в Улан-Удэ. В четвертом разделе мы проанализируем стратегии социокультурной адаптации сельских мигрантов, проживающих как компактно в «нахаловках» Улан-Удэ, так и дисперсно в городе.

Теоретическая модель, методология и эмпирическая база исследования

Какие стратегии используют сельские мигранты для адаптации в принимающих городах? Каким образом компактное (анклавное) проживание влияет на выбор той или иной стратегии адаптации?

Можно выделить четыре теоретических направления, сторонники которых дают разные ответы на эти вопросы: 1) парадигма ассимиляции; 2) теории маргинализации; 3) концепции сепарации; 4) теории многовариантной адаптации.

Ключевым аргументом классической теории ассимиляции является идея о том, что адаптация мигрантов представляет собой однонаправленный процесс, в ходе которого мигранты усваивают язык, нормы и ценности, включаются в институты принимающего общества и со временем полностью или частично утрачивают нормы и ценности общества, из которого прибыли (Thomas, Znaniecki 1920; Park, Burgess 1969; Gordon 1964). Теории ассимиляции были популярны среди исследователей процессов адаптации сельских мигрантов в городах Азии, Африки и Латинской Америки. Предполагалось, что сельские мигранты ассимилируются в городском обществе, ориентированном на Запад, и станут «истинными горожанами», отказавшись от своих сельских традиционных ценностей и образа жизни и приняв ценности и образ жизни модернизирующих городских элит. В соответствии с этим сценарием сквоттерские поселения рассматривались как «транзитные зоны» не только в пространственном измерении, но и в социокультурном смысле: сельские мигранты должны со временем превратиться в горожан (Costello 1987: 428).

Оптимистический сценарий, предложенный сторонниками парадигмы ассимиляции, не всегда воплощался в реальной жизни, и поэтому большую популярность среди исследователей, изучавших адаптацию сельских мигрантов в городах «третьего мира» в 1950–1960-е годы приобрели теории маргинализации: концепции урбанизма Л. Вирта и народно-городского континуума Р. Редфилда, концепции «культуры бедности» и маргинальности (Lloyd 1979). Опираясь на эти концепции, исследователи пришли к выводу, что сельско-городская миграция в городах Латинской Америки ведет к имущественной депривации и психологической фрустрации, личностной и социальной дезорганизации, политической радикализации и деструктивному поведению мигрантов (Cornelius 1977: 214). Сквоттерские поселения рассматривались через призму этих концепций как пространства «отсталости», «культуры бедности» и маргинальности (Lloyd 1979).

Альтернативой теориям ассимиляции и маргинализации выступают концепции сепарации. В исследованиях международной миграции идея сепарации используется в концепциях этнического плюрализма, а в исследованиях адаптации сельских мигрантов в странах «третьего мира» данная идея нашла отражение в теориях псевдоурбанизации и рурализации. Сторонники данных концепций исходили из той идеи, что модернизация стран «третьего мира» отклонилась от магистрального пути развития, по которому шли западные страны. В развивающихся странах рост городского населения значительно опережает процесс индустриализации городов, и они подвергаются псевдоурбанизации или рурализации (Abu-Lughod 1961; McGee 1971). Эти процессы приводят к тому, что население городов скорее продолжает воспроизводить многие модели традиционного сельского общества. Миграция в города не приводит к аномии, фрустрации и социальной дезорганизации мигрантов, так как большую роль в городском окружении продолжают играть сельские сети родственников и друзей (Abu-Lughod 1961). Сельские мигранты не всегда подвергаются ассимиляции или маргинализации, а скорее образуют сельские анклавов (в том числе в форме сквоттерских поселений) в городах и воспроизводят практики и нормы деревенского общежития (Peattie, Aldrete-Haas 1981: 162).

Как отмечают К. Бретелл и Дж. Холлифилд, если раньше для социологической теории было характерно постулирование единственного результата инкорпорации/адаптации — классической ассимиляции, то в последнее время признается множественность результатов адаптации (Brettell, Hollifield 2015: 6). Общим местом теорий многовариантной адаптации, во-первых, является идея отрицания единства принимающего общества и наличия универсальной культуры; во-вторых, адаптация мигрантов может происходить разными путями и в разных направлениях. К теориям многовариантной адаптации в исследованиях международной миграции можно также отнести концепцию сегментной ассимиляции (Portes, Zhou 1993), концепцию стратегий аккультурации Дж. Берри (Berry, 1997), теории транснационализма (Faist 2000) и др.

Подобные тенденции признания многовариантности адаптации можно отметить в исследованиях сельских мигрантов в городах глобального Юга. Общим аргументом стало то, что сельские мигранты используют широкий репертуар различных стратегий адаптации в городских условиях (Karpat 1976; Cornelius 1977; Simić 1974; Erman 1998). Исследователи все больше осмысливают адаптацию сельских мигрантов в городе с точки зрения концепции сосуществования городской и сельских культур и рассматривают их адаптацию в городе не только как ассимиляцию, но и как

интеграцию (Karpat 1976: 34, 43). Именно с этой точки зрения К. Карпат анализирует стратегии адаптации сельских мигрантов, проживающих в турецких сквоттерских поселениях (*геджеконду*) (Karpat 1976). Для нашего исследования наиболее подходящим теоретическим инструментом также представляются концепции многовариантной адаптации, так как с их помощью можно выявить полный диапазон стратегий адаптации сельских мигрантов.

Так как в статье мы рассматриваем социокультурное поле адаптации, то обратимся к концепции стратегий аккультурации Дж. Берри. Она состоит из двух взаимосвязанных моделей: 1) стратегии аккультурации подчиненных (*dominated*) групп; 2) стратегии аккультурации господствующих (*dominant*) групп. Как отмечает Дж. Берри, первая модель основана на предположении, что представители подчиненных групп могут свободно выбрать ту или иную стратегию аккультурации. При этом он добавляет, что это не всегда является результатом свободного выбора, так как доминирующие группы навязывают определенные формы аккультурации или ограничивают выбор подчиненных групп (Berry 1997).

Дж. Берри в рамках первой модели выделяет четыре стратегии аккультурации подчиненных групп: 1) ассимиляция; 2) интеграция; 3) сепарация; 4) маргинализация. Под ассимиляцией Дж. Берри понимает идентификацию мигранта с новой культурой принимающего общества и отрицание культурных ценностей группы, к которой он принадлежит. Сепарация заключается в отрицании культуры принимающего общества и приверженности к ценностям своего культурного сообщества. Маргинализация предполагает отсутствие идентификации себя с обеими культурами. Интеграция — это идентификация мигрантов как с культурой принимающего общества, так и с культурой общества исхода. Вторая модель включает следующие стратегии аккультурации доминирующих групп: 1) сегрегация; 2) «плавильный котел» (*Melting Pot*); 3) интеграция; 4) исключение (Berry 1997).

На наш взгляд, слабой стороной концепции Берри является идея стратегии аккультурации как свободного выбора. Кроме того, в ней учитывается в первую очередь дискурсивный уровень (то, что люди говорят о своей культурной идентификации), но мало уделяется внимания уровню практик (как в реальности люди взаимодействуют с обеими культурами). Даже в том случае, когда Дж. Берри признает важность учета «этнического поведения», он выявляет его с помощью опросных методов, т.е. пытается понять практики через дискурсы (Berry, Sabatier 2010).

Используя идеи П. Бурдьё о практиках, мы предлагаем в рамках нашей исследовательской модели социологизировать психологическую концеп-

цию Берри. С точки зрения П. Бурдьё, под «стратегиями» понимаются «различные множества действий, упорядоченных в соответствии с более или менее долгосрочными и необязательно явно сформулированными целями, которые совершаются членами такого коллектива, как, например, семья» (Бурдьё 2007: 118–119). С одной стороны, в своем понимании категории «стратегия» П. Бурдьё дистанцируется от сторонников методологического индивидуализма, с точки зрения которых стратегии представляют собой сознательные и долгосрочные намерения индивидуальных агентов, которые не подвергаются структурным социальным принуждениям (Дж. Берри, по сути, выступает сторонником методологического индивидуализма). С другой стороны, используя это понятие, Бурдьё пытается противостоять структурализму: «Понятие стратегии — это инструмент разрыва с объективистской точкой зрения и с действием без агента, которое предполагает структурализм (прибегая, например, к понятию бессознательного). Но можно отказываться видеть в стратегии продукт бессознательной программы, не делая из нее продукт сознательного и рационального расчета. Она есть продукт практического чувства как чувства игры, особой социальной игры, исторически определенной, которая усваивается с детства через участие в социальной деятельности, а именно в детских играх» (Бурдьё 2007: 108–119).

Стратегии адаптации мигрантов, опираясь на идеи П. Бурдьё, можно рассматривать как практики. Следование той или иной стратегии адаптации — это не просто результат свободного выбора мигрантов или структурных ограничений принимающего общества, а скорее продукт взаимодействия предрасположенностей (габитусов), полей и капиталов. Различные арены адаптации мигрантов (социокультурная, социально-экономическая и политико-правовая) мы рассматриваем как поля, на которых задействованы разные ресурсы (капиталы). В качестве капиталов, которые используют сельские мигранты в социокультурном поле адаптации, можно выделить место проживания в городе, уровень дохода, профессиональный статус и др.

Как отмечает Т.Н. Юдина, изучение третьей фазы миграционного процесса, а именно интеграции мигрантов в новый социум, целесообразнее вести, используя качественные методы исследования (Юдина 2004: 97). Поэтому, учитывая этот факт, а также характер относительной закрытости жителей «нахаловок», основными методами сбора эмпирического материала выступили методы полуструктурированного интервью и включенного наблюдения. Также мы собрали и проанализировали базу источников республиканских СМИ по проблеме самовольных поселений и сельско-городской миграции. Дискурс-анализ позволил нам выявить

ключевые образы сельских мигрантов и представления о «нахаловках» Улан-Удэ.

Эмпирический материал был собран в ходе полевых исследований в Улан-Удэ в период с 2004 по 2019 г. Длительность проекта позволила нам провести лонгитюдное исследование. С некоторыми информантами за этот период удалось провести по два, три и даже четыре интервью. Таким образом, мы смогли увидеть, как изменяются или не изменяются стратегии адаптации с течением времени. Интервью проводились со следующими группами информантов: 1) жители «нахаловок» (n=220); 2) сельские мигранты, выбравшие другие практики расселения в городе (n=52); 3) коренные горожане (n=45); 4) эксперты (представители власти, активисты партий и общественных организаций и др.) (n=26).

В гайде интервью для сельских мигрантов содержались блоки, посвященные стратегиям социокультурной адаптации. Н. Грейвс и Т. Грейвс указывают на три арены, на которых происходит адаптация мигрантов: 1) исходное сообщество; 2) принимающее сообщество; 3) мигрантское сообщество (Graves, Graves 1974). Поэтому мы в ходе интервью пытались выявить у информантов, во-первых, представления об исходном сообществе, о городе (горожанах, городских ценностях) и о месте проживания в городе («нахаловках» или других местах расселения). Во-вторых, мы спрашивали о «кругах общения» информантов на этих трех аренах адаптации. В этом случае нас интересовало, в какие социальные сети включены информанты и каким образом они используют сетевые ресурсы для адаптации в городе.

Анализ транскриптов интервью проводился с привлечением методики «анализа категоризации взаимодействия», которую разработали Х. Сакс и Д. Силверман. Данная методика позволяет понять, как производится описание социальной реальности, какие категории используют индивиды для описания и осмысления повседневной жизни. В нашем исследовании мы обращаемся к адаптированному варианту данной методики, который предлагают Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина (2007).

Другим важным методом для нашего исследования является метод включенного наблюдения (Девятко 1998), или этнографический метод (Романов, Ярская-Смирнова 1998). Данный метод предполагал наблюдение за повседневными взаимодействиями и практиками сельских мигрантов как в домашней (приватной) обстановке, так и за их взаимодействиями на публичных сценах (праздники, собрания жителей «нахаловок», митинги и т.д.). Наблюдение проводилось как непосредственно в местах проживания сельских мигрантов — в «нахаловках» или в других местах проживания в городе, так и в локациях, в которых мигранты собираются

(публичные пространства, например такие, как кафе, банкетные залы, городские площади в случае митингов и т.д.). С помощью метода наблюдения мы могли увидеть, как то, что говорят информанты, соотносится с тем, что они делают. В некоторых случаях мы видели несоответствие между нарративами, которые декларировали информанты в интервью и их практиками, которые мы зафиксировали в ходе включенного наблюдения.

Улан-Удэ: столица «бурятского мира» или (и) «чужое пространство»

Город — важный контекст, в рамках которого исследуется процесс адаптации мигрантов. При этом в каждом городе формируются особые социальные и экономические пространства, которые, с одной стороны, являются продуктом истории, с другой — создаются под влиянием современных локальных, региональных, национальных и глобальных тенденций (Brettell 2003). Другими словами, мигранты адаптируются не в абстрактном, а в конкретном городе, который сформировался в определенных исторических условиях и имеет особую конфигурацию социальных пространств (Brettelle, Kemper 2010: 355).

В 1923 г. уездный торговый город Верхнеудинск, большинство населения которого составляли русские, становится столицей Бурят-Монгольской АССР (в 1934 г. его переименовывают в Улан-Удэ). Если до 1920-х годов в городе практически не проживало бурятского населения, то с началом политики «коренизации» и «формирования национального отряда рабочего класса» в Улан-Удэ из сельской местности в город стали переселяться буряты. Улан-Удэ со временем превратился в столицу «бурятского мира» (Амоголонова 2008). В 1930-е годы на волне индустриализации население города стало также расти за счет русских переселенцев, приезжавших из западных регионов страны на промышленные стройки. При этом буряты, прибывавшие в город, охотнее включались в ряды интеллигенции (партийные кадры, преподаватели вузов, врачи, работники культуры и т.п.), чем в ряды рабочего класса, который в основном пополнялся русским населением. В дальнейшем этот фактор проявился как тенденция к классовому воспроизводству, когда дети из семей бурятской интеллигенции шли по стопам своих родителей, получая высшее образование и место работы в непроизводственной сфере, а дети из русских рабочих семей становились продолжателями трудовых династий, работая на заводах и фабриках.

Результаты советской модернизации и урбанизации для бурят были неоднозначны. С одной стороны, буряты начали доминировать на культурных, профессиональных и административных позициях в пределах

своей республики (Chakars 2014). С другой стороны, произошел массовый переход к русско-бурятскому двуязычию или частичному или полному забвению бурятского языка, особенно среди городских бурят (Балханов 2003; Будаева 2011; Осинский, Хабудаева 2014).

Модернизация и урбанизация отразились не только на бурятском языке, но и на воспроизводстве бурятской традиционной культуры в целом. Так, И.Ц. Доржиева отмечает, что «общей тенденцией развития этнокультурных процессов у бурят в условиях урбанизации является снижение роли и значимости традиционной культуры, восприятие новых ценностей и усиление процесса межэтнической интеграции и аккультурации. Значительную роль в сохранении традиционных элементов культуры бурятского этноса в городской среде играют сельские мигранты» (Доржиева 2009: 102). С.Д. Батомункуев пришел к выводу о формировании среди представителей бурятского этноса в результате модернизации двух различных типов этничности — сельских и городских бурят (Батомункуев 2002: 38).

Ярким примером данных этносоциальных процессов является история территориальных молодежных уличных группировок Улан-Удэ (Бадмаев 2002; Карбаинов 2004). В 1950–1970-е годы в Улан-Удэ возникли два основных противоборствующих лагеря молодежных группировок: «чавы» — русская молодежь, проживающая на рабочих окраинах, и «чуваки» — городская бурятская, дети элиты. Если в 1960–1970-х годах для группировок улан-удэнской молодежи было характерно деление по социально-этническому принципу, то в 1980-х состав группировок становится все более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения. Причем наиболее активно этот процесс шел у «чуваков». Именно в этот период для улан-удэнской молодежи наметилась тенденция, когда этничность в «уличных войнах» перестает играть роль границы между группировками. В 1990-е годы противостояние между городскими группировками потеряло прежний смысл, и с этого времени более важной разграничительной границей между «своими» и «чужими» стала граница между «городскими» и «головарами». Еще в 1970-е годы, несмотря на противостояние «чав» и «чуваков», все разногласия забывались, когда речь заходила о борьбе с «головарами». Так называли и называют представителей сельской бурятской молодежи, которая прибывала в Улан-Удэ в основном за получением образования. С временем слово «головар» горожане стали использовать для обозначения не только для молодежи, но и всех сельских бурят.

Для некоторых горожан социальное пространство Улан-Удэ маркируется в сельско-городских категориях. Есть «нормальные» места, а есть

«головарские» места (Карбаинов 2004; Шмыт 2013; Галиндабаева 2017). Для «городских» ярким символом вторжения в пространство Улан-Удэ являются «нахаловки», в которых проживают «сельские чужаки» — «головары». Такая точка зрения также воспроизводится в научных публикациях, в которых данный процесс интерпретируется как рурализация города, которая создает угрозу разрушения городской культуры (Manzanova 2007).

Нельзя не упомянуть о феномене землячеств. Если первоначально буряты переселялись и адаптировались в городе на индивидуальной основе (Батомункуев 2011), то со временем важную роль в адаптации стали играть землячества. Как пишет И.Э. Елаева, «для многих мотив миграции из села в город — это не только тривиальный поиск работы, но и желание изменить свой социальный статус. В этом случае родо-земляческие сети есть ресурс, который задействуется для расширения индивидуальных возможностей социальной мобильности» (Амоголонова и др. 2005: 202). В контексте нашей статьи важно то, что практики использования родственно-земляческих связей стали рассматриваться как еще один негативный атрибут образа «сельского чужака».

Таким образом, Улан-Удэ для сельских бурят, с одной стороны, является местом притяжения, столицей «бурятского мира», в которой проживают их родственники и земляки, а с другой стороны, они попадают в инородное пространство, занятое «городскими», для которых они становятся «сельскими чужаками».

«Нахаловки» Улан-Удэ: история формирования и современная ситуация

Появление первых «нахаловок» в Улан-Удэ связано с эпохой индустриализации 1930-х годов. В это время Улан-Удэ, как и многие другие города СССР, представлял собой строительную площадку, на которой возводились крупные промышленные предприятия. В результате индустриализации и сопутствующей ей урбанизации население города выросло в несколько раз как за счет миграции из сельских районов Бурятии, так и за счет переселенцев из других регионов СССР. Город столкнулся с серьезной нехваткой жилья. Квартыры в немногочисленных благоустроенных домах, которые строили промышленные предприятия, распределялись в первую очередь среди специалистов и были фактически недоступны для большинства работников, вынужденных располагаться в так называемых бараках. В результате многие переселенцы стали самостоятельно решать жилищный вопрос. Один из возможных способов решения проблемы заключался в том, чтобы огородить земельный участок и построить

на нем дом либо с разрешения, либо без разрешения властей. Как отмечает Б. Жимбиев, строительство индивидуального жилья поддерживалось руководством промышленных предприятий, заинтересованным в закреплении рабочей силы на производстве, несмотря на то что индивидуальная застройка (в том числе с разрешения властей) нарушала градостроительные нормы, предусмотренные Генпланом города (Zhimbiev 2000: 59–60). Городской совет практически не мог воспрепятствовать появлению «самостроя», так как фактическая власть в городе (в том числе контроль над землей), принадлежала промышленным предприятиям (Zhimbiev 2000: 59). В итоге на окраинах Улан-Удэ выросли районы, почти полностью застроенные индивидуальными деревянными домами. Немалую часть этих домов, наряду с легальными постройками, составляли «нахаловки».

В результате, как отмечает Л.К. Минерт, в Улан-Удэ «за первое послевоенное десятилетие на землях, не отведенных для жилищного строительства, частными лицами было сооружено свыше трех тысяч жилых домов. Из них возникли целые поселки <...> Общая площадь, занятая такой застройкой в городе, составила 320 га. К концу 50-х гг. самовольное строительство удалось в значительной мере пресечь» (Минерт 1983: 155–156, 240).

В 1960–1980-е годы в Улан-Удэ, как и в других городах СССР, наступило время строительного бума массового общедоступного жилья. Произошло значительное расширение жилищного фонда Улан-Удэ. Если в 1966 г. доля многоэтажных благоустроенных домов в жилищном фонде составляла 39,4 %, то в начале 1980-х — 70,4 % (Минерт 1983: 159). Эти изменения позволили в какой-то степени решить жилищный вопрос: часть жителей «самостроя» перебрались в благоустроенное жилье. С конца 1960-х и в 1980-е годы возведение индивидуального жилья в городе существенно сократилось (Zhimbiev 2000: 77). Казалось, «нахаловки» должны были уйти в прошлое, но в 1990-е годы начался новый бум строительства самовольного жилья. В это время под влиянием социально-экономического кризиса, который ударил прежде всего по деревне, в город устремился массовый поток мигрантов из сельских районов республики (Карбаинов 2007; Алексеева 2010). Один из возможных способов закрепиться в Улан-Удэ для сельских мигрантов состоял в том, чтобы *огородить* (захватить) или купить/арендовать земельный участок в «нахаловках». Именно сельские мигранты в настоящее время составляют большинство населения «самоволок», возникших в 1990–2010-х годах.

Сельские мигранты стремятся селиться рядом с родственниками и земляками. В результате формируются земляческие кварталы, которые рассматриваются горожанами и представителями властей как источник

социальной и политической напряженности, как угроза городскому образу жизни в Улан-Удэ. В публичном дискурсе коренных жителей Улан-Удэ конструируется образ сельских мигрантов как чужаков, которые вторгаются в город, разрушают городскую культуру и привычный образ жизни. Важно отметить, что сельский чужак — это, как правило, представитель бурятского этноса, при этом в производстве негативных представлений о чужаках участвуют также буряты-горожане. Коренные горожане используют в отношении сельских мигрантов презрительный ярлык «головары» (Карбаинов, 2004; Галиндабаева, 2017). С точки зрения коренных горожан главными местами проживания сельских чужаков в городе становятся самовольные поселения — очаги бескультурья, грубости и преступности (Карбаинов, 2007).

В одной из наших работ было показано, что конструирование и воспроизводство образа сельского чужака («головара») хоть и остается для горожан важным условием поддержания городской идентичности, но при этом дискурсивная граница между «городскими» и «сельскими» достаточно размыта и подвижна. Многие горожане оказываются сами недавними выходцами из сельской местности или мигрантами во втором-третьем поколении, которые поддерживают тесные связи с деревенскими родственниками (Давыдов и др. 2006: 142). Также в исследовании на основе полевых данных было представлено, что многие страхи в отношении населения «нахаловок» преувеличены, и сельские мигранты, проживающие в неформальных поселениях Улан-Удэ, в социальном и экономическом разрезе не представляют собой однородную группу (Давыдов и др. 2006).

Одним из важных вопросов является вопрос о том, каким образом сельские мигранты приобретают недвижимость в неформальных поселениях. По мнению аутсайдеров (журналистов, чиновников, коренных горожан), сельские мигранты, как правило, получают землю в «нахаловках» посредством самозахвата. Эта точка зрения также приводится в ряде научных публикаций (Manzanova 2007; Хамфри 2010). Так, описывая «нахаловки» Улан-Удэ, К. Хамфри пишет: «Как мигранты приобретают землю? Просто забирают себе» (Хамфри 2010: 318). Наши полевые исследования показывают более сложную картину. Помимо стратегии самозахвата земли существуют также стратегии аренды и покупки недвижимости в неформальных поселениях. Один из возможных способов закрепиться в Улан-Удэ для сельских мигрантов состоит в том, чтобы «огородить» (захватить), или купить, или арендовать земельный участок в «нахаловках».

Исследователи сельско-городской миграции в Бурятии утверждали, что проживание в «нахаловках» Улан-Удэ — один из способов решения жилищного вопроса для сельских мигрантов из бедных слоев населения

(Содномпилова 2009; Алексеева 2010). Однако наши полевые исследования показали, что, помимо сельских мигрантов-бедняков, в «нахаловках» также проживают представители следующих социальных групп: 1) представители сельского среднего класса; 2) неформальные предприниматели-землевладельцы; 3) представители городских низов, потерявших жилье в городе; 4) горожане, которые используют недвижимость в «нахаловках» в качестве дачи.

По результатам наших полевых исследований можно предварительно выделить три ключевые стратегии внутригородской мобильности жителей «нахаловок» Улан-Удэ: 1) транзитная; 2) двухстадиальная; 3) транслокальная. Транзитная стратегия внутригородской мобильности состоит в том, что «нахаловки» в этом случае выступают в качестве временного переходного жилья для жизни в городе. После нескольких лет проживания в «нахаловке» выбравшие эту стратегию перебираются в сектор легального городского жилья, покупая или арендуя городские квартиры, дома, или в пригородные поселения. В первую очередь данную стратегию выбирают представители сельского среднего класса. При этом они нередко остаются собственниками жилья в «нахаловке». Двухстадиальная стратегия внутригородской мобильности в «нахаловках» Улан-Удэ имеет две формы: нисходящую и восходящую. Нисходящая стратегия характерна для представителей городских низов, которые по тем или иным причинам потеряли городское жилье и были вынуждены перебраться в «нахаловки». Восходящая двухстадиальная стратегия характерна для сельских мигрантов-бедняков, которые на первой стадии из-за неимения денежных средств вынуждены проживать либо у родственников или у друзей, либо арендовать комнату или квартиру в легальном жилищном секторе. На второй стадии они захватывают, или покупают, или арендуют жилье в «нахаловках» Улан-Удэ. Транслокальная стратегия состоит в том, что для некоторых сельских семей «нахаловки» становятся частью транслокального сельско-городского пространства (Содномпилова 2009). В этом случае вся сельская семья или часть семьи в течение года может проживать несколько месяцев в деревне, а в остальное время — в городской «нахаловке».

Если в 1990-е годы власти практически не обращали внимания на существование «нахаловок», то с принятием Земельного кодекса в 2001 г. администрация города стала оказывать давление на «самовольщиков». Летом 2006 г. судебными приставами в «нахаловках» были снесены несколько домов без выплаты компенсаций. В ответ на снос домов жители «нахаловок» провели ряд протестных акций: перекрывали федеральную трассу «Москва — Владивосток», проводили митинги на центральной площади города, написали обращение к президенту России. В результате

власти временно приостановили исполнение судебных решений. В 2009 г. была принята программа, которая предусматривает переселение «самовольщиков» на новые земельные участки, но без предоставления формального статуса частных собственников (в итоге программа так и не была реализована). Также с 2009 г. начался постепенный процесс перехода «нахаловок» из статуса нелегального жилья в ДНТ и СНТ.

В 2016 г. был принят Закон Республики Бурятия «О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности». Жители «нахаловок» получили возможность бесплатно получить в собственность те земельные участки, на которых дома возведены до конца 2010 г. В 2021 г. в закон были внесены поправки, согласно которым стало возможным узаконить земельные участки с домами, возведенными до 2015 г. Таким образом, жители «нахаловок» получили возможность легализовать свое незаконное жилье, но процесс этот до сих пор не завершен. По данным на 2019 г., в Улан-Удэ оставалось более трех тысяч «самовольщиков» без оформленной собственности на свои дома и землю (Соголов, Халматов 2019). Отметим, что, несмотря на легализацию многих неформальных поселений в Улан-Удэ, горожане и сами жители продолжают называть эти районы «нахаловками».

Стратегии социокультурной адаптации

В литературе, в которой затрагивается проблема сельско-городской миграции в Бурятии, мы можем встретить упоминание о двух стратегиях адаптации сельских мигрантов в городе — сепарации (Содномпилова 2009; Шмыт 2013) и маргинализации (Manzanova 2007; Батомункуев 2005). Стратегии ассимиляции и интеграции сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ нигде не рассматриваются, за исключением работы А. Буяновой (2006). Она провела исследование стратегий адаптации сельской бурятской молодежи к городскому и образовательному пространству Улан-Удэ и выделила по его результатам четыре группы адаптантов: 1) «традиционалисты»; 2) «космополиты»; 3) «подражатели»; 3) «изгои» (Буянова 2006: 33–36). Хотя А. Буянова не использует концепцию Дж. Берри, все эти группы можно соотнести со стратегиями аккультурации из его теории. «Традиционалисты» придерживаются стратегии сепарации, «изгои» — стратегии маргинализации, «космополиты» — стратегии интеграции, а «подражатели» действует в рамках стратегии ассимиляции. В нашем исследовании нам также удалось выявить весь репертуар этих стратегий. Проведение лонгитюдного исследования позволило нам также обнаружить различные вариации переходов от одних стратегий к другим стратегиям адаптации.

Ассимиляция

Стратегия ассимиляции для сельских мигрантов в условиях города Улан-Удэ предполагает принятие ценностей «городской культуры» (самоидентификация с городским сообществом, правила поведения в публичных местах, стиль одежды, русский язык без сильного бурятского акцента и др.) и отрицание ценностей сельской культуры, или, говоря словами информантов, «преодоление головарства».

Однонаправленная ассимиляция. Рассмотрим три случая: один кейс коллективной (семейной) ассимиляции и два кейса индивидуальной ассимиляции, в одном случае из которых информантка проживала в «нахаловке», а во втором случае информант проживал в городской квартире.

Кейс № 1. Семья Б. Муж Е. (высшее образование, врач), жена Д. (высшее образование, врач). Сын О. (высшее образование, программист, проживает в настоящее время в Санкт-Петербурге, женат). Дочка Е. (студентка, проживает в настоящее время в Санкт-Петербурге, не замужем).

Е.: *Да, я родился в селе, но высшее образование получил не в Улан-Удэ, а в Н. <...> многие уланудэнцы по сравнению с нами деревенщины. Мы все-таки жили в большом городе. Знаем, что такое культурная жизнь. <...> Жизнь заставила. Пришлось работать в районной больнице. Потом пришлось купить здесь дом (в «нахаловке»). Узаконили его уже... когда там жили (в райцентре) я всегда детям говорил: не надо общаться с деревенскими. Лучшие книжки читайте. <...> в Улан-Удэ наш круг общения? В основном коллеги... говорим на русском, но конечно мы — буряты. <...> после смерти мамы на родине не был. <...> собираемся квартиру в городе купить, а здесь дача будет.*

Кейс № 2. С. (высшее образование, работает в частной фирме, не замужем): *Я здесь временно живу. Денег пока не хватает квартиру в городе снимать. <...> головары в этой нахаловке, но есть конечно нормальные культурные люди. Мало их... я — городская... у меня все подружки — городские девчонки... с земляками я не общаюсь, дикие они <...> Обязательно отсюда перееду.*

Кейс № 3. Т. (высшее образование, инженер, женат). После переезда в город Т. два года прожил в общежитии, а потом арендовал квартиру. При проведении последнего интервью проживал в своей однокомнатной квартире, купленной в ипотеку.

Когда жил в деревне, меня всё бесило. Сено я ненавидел, аргал этот вонючий собирать, печку эту топить. Надоело! С детства хотел жить в городе. <...> Когда приехал на учебу, головаром конченным был. Два года головарил в общаге с такими же головарами. Потом за ум взялся. Подра-

*батывать деньжата стал. Съехал с общаги. Стал дружить с городскими ребятами и девчонками. В нормальных местах отдыхать в городе. Обте-
сался маленько. Жена вот у меня городская бурятка, иногда в шутку го-
ловаром называет <...> На бурятском мало-мало могу говорить и то сме-
шиваю с русским. Все-таки в деревне жил. Жена у меня городская бурятка.
Она только на русском. Да и бурятский сейчас нигде не нужен. <...>
Я атеист. Никуда не хожу, в дацан и шаманам не хожу. Ну может пару
раз был в дацане за пять лет. Не верю я. Да и времени нет. Работы мно-
го <...> Когда жил на съемной квартире на ПВЗ, то частенько приезжали
с деревни, с района земляки или какая-нибудь дальняя родня. Набухаются
и начинают барагозить, бороться лезут. Я всех потом послал. Родители
меня ругали — ты зачем дядю Баира выгнал. А чо на меня лезет бороть-
ся? Пусть со своими бурунами борется. Рубашку мне новую порвал. Если
ко мне все эти дяди Баиры, Жалсаны придут, то рубашек не наберешься
<...> В нахаловку ни за какие деньги не переехал бы. Нееее, мне нравится
здесь на «Саянах» здесь жить. Как нормальный городской живу. Горячая
вода, отопление. Магазин под боком.*

Сегментная ассимиляция. А. Портес и М. Чжоу пишут о том, что ассимиляция не всегда происходит в виде восходящей мобильности в мейн-стримной культуре, ассимиляция может также проходить в форме нисходящей социальной мобильности, когда мигранты адаптируются в определенном сегменте принимающего общества, к низшим классам (Portes, Zhou 1993). Те, кто себя считают «городскими» в Улан-Удэ и противопоставляют себя «головарам», — неоднородная социальная группа. Это могут быть представители элиты, проживающие на проспекте Победы (Алексеева, Галиндабаева 2014), а могут быть представители рабоче-го класса с городских окраин.

Кейс № 4. Г. (общее среднее образование, «щипач» — вор-карманник). Когда Г. было 11 лет, родители переехали в Улан-Удэ и поселились в «нахаловке» в поселке Стеклозавод (городская окраина). Через год после пере-езда отец Г. умер. Мать одна воспитывала Г. По словам его матери, он свя-зался с местными бандитами и сам стал бандитом.

*Г.: Я не делю человечество по национальности. Русский, бурят — какая
разница. Есть воры, мужики и петухи... ну ты понял меня, братуха. Чо-
каво ещё головары есть... не терплю головаров... беспредельщики они. Типа
сами по понятиям живут, а в реале так не по понятиям. Вообще беспре-
дельщики.*

От ассимиляции к интеграции. Иногда со временем стратегии адап-тации могут меняться. Так, это произошло с О., который сначала пошел по пути ассимиляции, а потом выбрал путь интеграции.

Кейс № 5. О. (высшее образование, программист, не женат, живет в «нахаловке» с родителями).

О.: Дурень я был. Городским хотел стать. <...> С земляками стеснялся общаться. Я боялся, что подружка подумает, что я — головар. <....> Когда 26 лет стукнуло, поехал в родное село на родовой тайлаган, и там как меня стрельнуло. Что ты делаешь мужик? Ты свою родную бурятскую культуру не ценишь. Ты же — бурят. <...> Учу бурятский язык, слушаю бурятские песни. <...> Я сейчас с земляками общаюсь, на землячества ходить стараюсь. <...> Какая разница, городской или деревенский, русский или бурят, иркутский или агинский. Главное, чтобы человек был хороший. <...> У меня много и в городе друзей. <...> Ну и что такого, что живу в нахаловке. Документы родители оформили. Это же тоже Улан-Удэ.

Декларируемая ассимиляция (скрытая сепарация). Мы также столкнулись с интересным случаем, когда информантка в интервью декларировала стратегию ассимиляции, но в реальной жизни следовала стратегии сепарации, которую она скрывала. Кейс № 6. И. (незаконченное высшее образование, парикмахер, не замужем, живет вместе с матерью и ребенком в «нахаловке»).

И.: В нашем селе много русских, любила я как-то всегда русских. <...> Ребенок крещенный, сама нет, по духу, конечно, я русская, но по лицу бурятка, но на иркутскую бурятку похожа. <...> Я говорю сыну: «Ты у нас русский, городской парень». Так-то он метис. <...> Я с городскими общаюсь. С головарами мне о чем говорить? Они только хама угы знают. <...> Хочу хорошего отца для ребенка и городскую квартиру. <...> В селе я 100 лет не была. Что там делать? Все спились. А здесь цивилизация.

Соседи И. рассказывают о ней совсем другие вещи: Её двоюродный дядя в БГУ с большим трудом устроил. Она три курса как-то держалась, а потом задружилась и родила К. <...> У нее родители в разводе. Отец на родине остался. Хозяйство держит. То она к нему за мясом, картошкой, то он приезжает в город.

В этом разрыве между словами и практиками мы убедились, когда зашли к И. К ним приехали гости из родного села. И. просила помощи у родственницы, чтобы та «по своим связям» помогла устроить сына в детский сад. Также она поддержала беседу с другой пожилой родственницей на бурятском языке. В этом случае метод наблюдения помог выявить расхождение между нарративами, которые пыталась донести информантка в ходе интервью и реальными практиками адаптации.

Таким образом, выбор стратегии ассимиляции может быть определен наличием высшего образования, опытом предыдущего проживания в городе, местом исхода (бурятская деревня или многонацио-

нальное крупное село или поселок), фактором семейной социализации и т.д. Следуя этой стратегии, информанты принимают классификацию «городские — головары» и пытаются в соответствии с ней выстраивать социальный мир. Себя в этой классификации они относят к «городским». При этом «нахаловка» определяется как «головарское» (сельское) место. В результате информанты, живущие в «нахаловках», испытывают когнитивный диссонанс. Поэтому в интервью они говорят о вынужденном характере и временности проживания в этих поселениях и желании переселиться в «город». В то же время сельский мигрант, проживающий в городской квартире, такого диссонанса не ощущает. По результатам нашего исследования, в основном эту стратегию выбирает небольшая часть молодежи с высшим образованием. Они стараются в первую очередь поддерживать социальные контакты с «городскими» и уменьшают или полностью разрывают контакты с теми, кого считают «головарами». Однако встречаются ситуации декларируемой ассимиляции, когда имеется разрыв между словами информанта и реальными практики его адаптации.

Сепарация

Одной из наиболее важных стратегий социокультурной адаптации среди жителей «нахаловок» Улан-Удэ является стратегия сепарации. Особенно она характерна для сельских мигрантов, переехавших в город сравнительно недавно. Поддержанию этой стратегии способствует тот факт, что в «нахаловках» сельские мигранты селятся достаточно компактно, создавая родственно-земляческие кварталы. В результате сельские мигранты воспроизводят многие сельские культурные практики. Стратегия сепарация выступает как коллективная стратегия социокультурной адаптации. Важную роль для таких мигрантов играют родственно-земляческие связи.

Сепарация. Рассмотрим два случая. Кейс № 7. Б. (среднее образование, женат, плиточник). Переехал в город из бурятского малого села («у нас только одна семья русская жила»). Перевез из родного села дом и поселился с семьей в «нахаловке». Работает в бригаде плиточников. Вся бригада состоит из земляков.

Б.: ...ну куда я без земляков, дом помогли поставить, работу нашли. Постоянно друг дружку помогаем. <...> В нахаловке я со своими закаменскими общаюсь. Немножко выпиваем в меру... на родине часто бываю. Тоонто нютаг же, но! <...> Буряты же раньше не жили в городе. Нет никаких городских бурят. Все деревенские. Вся власть бурятская из деревни. Землячества одни. Агинские, закаменские, баргузинские. У семейских свои землячества. У чеченцев свои... Улан-Удэ — большая деревня... дома

и на работе на буряад хэлэн говорю. Только многие буряты не понимают. С ними тогда на русском говорю. <...> Нахаловка — это как деревня.

Кейс № 8. Б. (среднее образование, строитель, женат, двое детей, арендует однокомнатную квартиру). Переехал в Улан-Удэ два года назад из бурятского села. Работает в строительной бригаде, состоящей из земляков.

Б.: ...побоялся перевозить дом в нахаловку. Брата двоюродного дом столкнули. Еще штрафы заставили платить. На новый дом денег у меня не было. Решил снимать квартиру. Тесно, конечно. Непривычно. В деревне то простор. Но ни чо, привыкли уже. <...> С земляками общаюсь, кто еще поможет в трудной ситуации. <...> Не знаю, кто такие городские... сами они головары! Бурятский язык не говорят. <...> С соседями на площадке не общаюсь... к родне хожу гости. У бурят родни много. У нас свадьбы большие. <...> К ламам хожу... В городе к шаманам не хожу. У нас свой шаман родовой в деревне.

От сепарации к интеграции. Кейс № 9. О. (высшее образование, госслужащая, замужем, живет в «нахаловке»).

О.: Когда училась в колледже, как-то мало общалась с городскими. Сторонилась их. В основном с земляками тусила. Потом поступила в университет и стала с городскими ребятами. У меня там первый парень был русский. <...> Муж бурят, земляк из соседнего села. <...> Со всеми хорошие отношения — с земляками, коллегами. Со всеми общаюсь. Все помогают. <...> Люблю русскую культуру — люблю читать Достоевского... люблю буузы, люблю бурятские песни... люблю на бурятском языке говорить... на родине отдыхаю душой и телом. В Таиланде, правда, тоже хорошо (смеется). <...> В нахаловке можно власть с земляками на бурятском поговорить. На работе по-русски в основном. Но это для меня не проблема. Русский язык я тоже сильно люблю... я космополит.

Таким образом, следование стратегии сепарации предполагает отрицание символической классификации «городские — головары». На Улан-Удэ они смотрят как на «большую деревню», в которой проживают представители разных сельских землячеств. То есть они отрицают наличие «городских» как социальной группы. Следование стратегии сепарации не всегда предполагает компактное проживание в этнических кварталах — в «нахаловках». Дисперсное проживание не мешает поддерживать социальные связи с родственно-земляческими сообществами. Те, кто следует этой стратегии, активно вовлечены в жизнь родных сел. Эти сельские мигранты действуют в рамках транслокального сообщества (Содномпилова 2009). Даже в «нахаловке» они в первую очередь поддерживают контакты со своими земляками и родственниками. Со временем увеличение социальных контактов (в том числе с коренными горожанами) и вос-

ходящая социальная мобильность может привести к новой стратегии социокультурной адаптации — интеграции. Важно отметить, что они осуждают тех, кто выбрал стратегию ассимиляции за «отрыв от корней».

Интеграция

Стратегия интеграции предполагает, что сельские мигранты поддерживают широкие социальные контакты как с выходцами из села, так и с коренными горожанами. Они также заимствуют и усваивают многие ценности городской культуры, но не отказываются от сельских культурных ценностей и привычек. Один информант следующим образом выразил суть данной стратегии: «Надо быть цивилизованным, но не отрываться от корней». В первую очередь данную стратегию принимают представители среднего поколения с высшим образованием, которые до полной миграции в город уже имели опыт проживания в городах (например, во время учебы в вузах). Стратегия интеграции является для многих жителей «нахаловок» нормативно принимаемой моделью адаптации в городских условиях.

Кейс № 10. В. (высшее образование, предприниматель, женат).

В.: У меня квартира в городе и здесь в «нахаловке» дом. Моя дача. <...> У меня лучший друг — русский. Мы с ним в педу учились. С первого курса — друзья. В 90-е же годы тяжело было. Я тогда в деревне жил. Хозяйство держал. Когда ездил в город, то обязательно к другу заезжал и кусок мяса привозил, молоко, мороженное в кружках, помню привозил. Всех городских родственников тоже угощал. У друга тогда не очень жизнь была. Потом он поднялся. <...> Он мне говорит: В. приезжай, я тебе с работой помогу. Ну, я и поехал. Реально он помог. Не забыл старых друзей. <...> Бизнес в Бурятии без связей тяжело делать. Надо земляков, родственников или просто друзей иметь в разных кабинетах. <...> На бурятском хорошо я говорю, писать только почти не умею, но это и не нужно. <...> В нахаловке мне хорошо, как в деревне. <...> Мне везде хорошо, и в деревне, и в городе, и в Москве, и в Пекине. Везде... мы все равно буряты. Надо чтить дедовские традиции. Надо брызгать, молиться... Ну и что такого, что мы живем в деревянных домах. В Америке же много народа в городах живут в своих домах. И у нас — цивилизация. Не в пещерах же живем.

Маргинализация

Еще одной стратегией адаптации в городе является маргинализация. В маргинальном положении обычно оказываются люди, попавшие в силу разных причин в трудную жизненную ситуацию и не сумевшие из нее

выйти. В основном они ведут асоциальный образ жизни (алкоголизм, наркомания и т.д.). Они, как правило, поддерживают достаточно узкие социальные контакты. В «нахаловках» их обычно называют «бичами» и «бомжами».

Кейс № 11. Ж. (общее среднее образование, безработный, не женат).

Ж.: *По паспорту я — Ж., а кенты меня Жориком зовут, мое погоняло Жиробас. И.: Почему Жиробас? Ж.: Потому что худой сильно, кушаю мало.*

По словам соседей, Ж. живет у «бича» В.: *Там Васька живет. Пьянь полная. У него была квартира в кварталах. Потом черные риелторы у него квартиру отжали, купили за копейки эту развалюху у нас в нахаловке. Хорошо хоть в Новую Брянь не увезли или просто не убили. Пожалели, однако. Теперь здесь живет, вон бухает ночами напропалую с нашими бичами, с Ж. постоянно зависают. Друганы они неразлучные. Ж. у него днем отсыпается.* По словам Ж., в Улан-Удэ он переехал после того, как два года отработал «на северах». По словам соседей, эти два года Ж. провел в исправительной колонии. Ж. не поддерживает отношения с родственниками и земляками, и круг его общения состоит из друзей-«кентов» (коренных горожан, которые в силу жизненных обстоятельств оказались в «нахаловке» или таких же сельских мигрантов, оказавшихся в маргинальной ситуации).

* * *

Таким образом, сельские мигранты, проживающие в «нахаловках» Улан-Удэ, используют все стратегии социокультурной адаптации к городским условиям: ассимиляцию, сегрегацию, интеграцию и маргинализацию. Стратегия ассимиляции для сельских мигрантов в условиях Улан-Удэ предполагает принятия ценностей «городской культуры» (самоидентификация с городским сообществом, правила поведения в публичных местах, стиль одежды, русский язык без бурятского акцента и др.) и отрицание ценностей сельской культуры. При этом данная стратегия может проявляться в разных формах (классическая однонаправленная ассимиляция, сегментная ассимиляция). Также встречаются ситуации декларируемой ассимиляции, когда имеется разрыв между словами информанта и реальными практиками его адаптации. Жители «нахаловок», которые следуют стратегии ассимиляции к городской культуре, испытывают когнитивный диссонанс от самого факта проживания в «головарском месте». В свою очередь, те сельские мигранты, которые проживают дисперсно, с ним не сталкиваются. Стратегия ассимиляции может быть как индивидуальной, так и коллективной (семейной) стратегией.

Одна из наиболее важных стратегий социокультурной адаптации среди жителей «нахаловок» Улан-Удэ — сегрегация. Особенно она харак-

терна для сельских мигрантов, переехавших в город сравнительно недавно. Поддержанию этой стратегии способствует тот факт, что в «нахаловках» сельские мигранты селятся достаточно компактно, создавая родственно-земляческие кварталы. В результате сельские мигранты воспроизводят многие сельские культурные практики. Стратегия сепарация выступает как коллективная стратегия социокультурной адаптации. Важную роль для таких мигрантов играют родственно-земляческие связи. Следование стратегии сепарации не всегда предполагает компактное проживание в этнических кварталах — «нахаловках». Дисперсное проживание не мешает поддерживать социальные связи с родственно-земляческими сообществами.

Стратегия интеграции предполагает, что сельские мигранты поддерживают широкие социальные контакты как с выходцами из села, так и с коренными горожанами. Они также заимствуют и усваивают многие ценности городской культуры, но не отказываются от сельских культурных ценностей и привычек. В первую очередь данную стратегию принимают представители среднего поколения с высшим образованием, которые до окончательного переселения в город уже имели опыт проживания в городах (например, во время учебы в вузах). Стратегия интеграции является для многих жителей «нахаловок» нормативно принимаемой моделью адаптации в городских условиях.

Еще одна стратегия адаптации в городе — маргинализация. В маргинальном положении обычно оказываются люди, попавшие в силу разных причин в трудную жизненную ситуацию и не сумевшие из нее выйти. Они, как правило, поддерживают достаточно узкие социальные контакты.

Таким образом, наиболее социально приемлемыми стратегиями социокультурной адаптации в городе среди сельских мигрантов, проживающих в сквоттерских поселениях Улан-Удэ, являются стратегии сепарации и интеграции. В свою очередь, стратегии ассимиляции и маргинализации подвергаются осуждению со стороны жителей «нахаловок».

Литература

Алексеева М.С. (2010) Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 13(4): 128–135.

Алексеева М.С., Галиндабаева В.В. (2014) Формирование конструкторов элитарности в контексте процессов социальной сегрегации городского пространства (на примере проспекта Победы в г. Улан-Удэ). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(3): 20–32.

Амоголонова Д.Д. (2008) *Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета.

Амоголонова Д.Д., Елаева И.Э., Скрынникова Т.Д. (2005) *Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период)*. Иркутск: Радян.

Бадмаев А.З. (2002) Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ. *Вестник Евразии*, 1: 90–104.

Балханов И.Г. (2003) Социализация и этничность бурят в городских условиях. *Социологические исследования*, 2: 55–59.

Батомункуев С.Д. (2002) О социокультурной модернизации и двуязычии бурят. *Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра.

Батомункуев С.Д. (2005) Этническая идентичность в условиях постсоветского Улан-Удэ. *Байкал*, спецвыпуск: 146–151.

Батомункуев С.Д. (2011) Тема урбанизации бурят в неизвестной рукописи повести Платона Малакшинова «В далеком городе» (1941 г.). *Tartaria Magna*, 1: 138–147.

Будаева Д.Ц. (2011) Двуязычие как важный способ межнациональной консолидации. *Вестник Бурятского государственного университета*, 6: 110–113.

Бурдьё П. (2007) Стратегии воспроизводства и способы господства. *Социология социального пространства*. Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя: 97–120.

Буянова А.Ю. (2006) Улан-Удэ: адаптация сельской молодежи к городскому и образовательному пространству. *Вестник Евразии*, 3: 24–40.

Галиндабаева В.В. (2017) «Головары» или «истинные буряты»? репрезентации сельской маскулинности в Бурятии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 113–132.

Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. (2006) *Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: Присвоение культурных ландшафтов*. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова.

Девятко И.Ф. (1998) *Методы социологического исследования*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Доржиева И.Ц. (2009) Этнокультурные процессы в среде городских бурят (по материалам социологического исследования). *Вестник Бурятского государственного университета*, 7: 98–102.

Здравомыслова Е., Темкина А. (2007) Категоризация взаимодействий: конструирование идентичности в сексуальной сфере. *Российский гендерный порядок: социологические подходы*. Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Карбаинов Н. (2004) «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города). *Вестник Евразии*, 2: 170–183.

Карбаинов Н.И. (2007) «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли. *Социологические исследования*, 11: 136–139.

Минерт Л.К. (1983) *Архитектура Улан-Удэ*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.

Осинский И.И., Хабудаева В.А. (2014) Традиции в культуре современной бурятской молодежи. *Вестник Бурятского государственного университета*, 6(2): 69–73.

Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (1998) «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии. *Социологический журнал*, 1–2: 145–160.

Содномпилова М.М. (2009) Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального сообщества. *Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки*. Скрынникова Т.Д. (ред.) Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН: 165–186.

Хамфри К. (2010) *Постсоветские трансформации в азиатской части России*. М.: Наталис.

Шмыт З. (2013) «Модерн номадс»: антропологические очерки современных бурятских миграций в России. Иркутск: Отгиск.

Юдина Т.Н. (2004) *Социология миграции: к формированию нового научного направления*. М.: Дашков и Ко.

Abu-Lughod J. (1961) Migrant Adjustment to City Life: The Egyptian Case. *American Journal of Sociology*, 67(1): 22–32.

Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1): 5–68.

Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, 34: 191–207.

Brettell C. (2003) Bringing the city back in: Cities as contexts for immigrant incorporation. In: Foner N. (ed.) *American arrivals: anthropology engages the new immigration*. Santa Fe: School of American Research: 163–195.

Brettell C.B., Hollifield J.F. (2015) Introduction. Migration Theory: Talking across Disciplines. In: Brettell C.B., Hollifield J.F. (eds) *Migration Theory: Talking across Disciplines*. N.Y.; L.: Routledge.

Brettell C., Kemper R. (2010) Cityward Migration in Comparative Perspective. In: Gmelch G., Kemper R., Zenner W. (eds) *Urban Life: Reading in the Anthropology of the City*. Fifth edition. Long Grove: Waveland Press: 347–358.

Chakars M. (2014) *The Socialist Way of Life in Siberia: Transformation in Buryatia*. Budapest; N.Y.: Central European University Press.

Cornelius W.A. (1977) The Political Sociology of Cityward Migration in Latin America: Toward Empirical Theory. In: Abu-Lughod J., Hay J.R.R. (eds) *Third World Urbanization*. N.Y.; L.; Toronto: Methuen.

Costello M.A. (1987) Slums and Squatter Areas as Entrepots for Rural-Urban Migrants in a Less Developed Society. *Social Forces*, 66(2): 427–445.

Erman T. (1998) Becoming “Urban” or Remaining “Rural”: The Views of Turkish Rural-to-Urban Migrants on the «Integration» Question. *International Journal of Middle East Studies*, 30(4): 541–561.

Faist T. (2000) Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture. *Ethnic and Racial Studies*, 23(2): 189–222.

Glazer N., Moynihan D. (1963) *Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City*. Cambridge: MIT Press.

Gordon M. (1964) *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. N.Y.: Oxford University Press.

Graves N.B., Graves T.D. (1974) Adaptive Strategies in Urban Migration. *Annual Review of Anthropology*, 3(1): 117–151.

Isabaeva E. (2020) Squatters and the socialist heritage: A comparison of informal settlements in Kyrgyzstan and Kazakhstan. In: Grashoff U. (ed.) *Comparative Approaches to Informal Housing Around the Globe*. L.: UCL Press: 95–109.

Karpat K.H. (1976) *The Gecekondü: Rural Migration and Urbanization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lloyd P. (1979) *Slums of Hope? Shanty Town of the Third World*. Manchester: Manchester University Press.

Manzanova G. (2007) City of Migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian Migration. In: Alexander C., Buchli V., Humphrey C. (eds) *Urban Life in Post-Soviet Asia*. University College London Press: 125–135.

McGee T. G. (1971) *The Urbanization Process in the Third World: Explorations in Search of Theory*. L.: G. Bell and Sons.

Park R., Burgess E. (1969) *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago; L.: Chicago Univ. Press.

Peattie L., Aldrete-Haas J.A. (1981) “Marginal” Settlements in Developing Countries: Research, Advocacy of Policy, and Evolution of Programs. *Annual Review of Sociology*, 7: 157–175.

Portes A., Zhou M. (1993) The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *The annals of the American academy of political and social science*, 530(1): 74–96.

Simić A. (1974) Urbanization and Cultural Process in Yugoslavia. *Anthropological Quarterly*, 47(2): 211–227.

Thomas W.L., Znaniecki F. (1920) *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group*. Vol. 5. Organization and Disorganization in America. Boston: Richard G. Badger; The Gorham Press.

Tsenkova S., Potsiou C., Badyina A. (2009) *Self-made Cities: In Search of Sustainable Solutions for Informal Settlements in the United Nations Economic Commission for Europe Region*. N.Y.; Geneva: United Nations Publications.

Yessenova S. (2010) *Borrowed Places: Eviction Wars and Property Rights Formalization in Kazakhstan*. In: Wood D.C. (ed.) *Economic Action in Theory and Practice: Anthropological Investigations*. Bingley: Emerald: 11–46.

Zhimbiev B. (2000) *History of the Urbanization of a Siberian City: Ulan-Ude*. L.: The White Horse Press.

Источники

Соголов С., Халматов Б. Два года до сноса. Проблемы оформления само-волоок обсудили в Улан-Удэ. Телеканал Ариг Ус, 22.03.2019 [<https://arigus.tv/news/item/126032/>] (дата обращения: 07.04.2023).

THE SQUATTER SETTLEMENTS («NAKHALOVKI») OF ULAN-UDE: SOCIOCULTURAL ADAPTATION STRATEGIES OF RURAL MIGRANTS IN URBAN ENVIRONMENT

Nikolay Karbainov (nkarbainov@gmail.com),
Vera Galindabaeva

Sociological Institute of RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Citation: Karbainov N.I., Galindabaeva V.V. (2023) Skvotterskiye poseleniya («nakhalovki») Ulan-Ude: strategii sotsiokul'turnoy adaptatsii sel'skikh migrantov v gorodskikh usloviyakh [The squatter settlements (“nakhalovki”) of Ulan-Ude: sociocultural adaptation strategies of rural migrants in urban environment]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 216–245 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.8>. EDN: STXFAB

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of compact or dispersed settlement on the strategies of socio-cultural adaptation of rural migrants in urban conditions. J. Berry's concept of acculturation strategies is used as a theoretical tool. The weakness of this theory is that it primarily takes into account the discursive level, but pays little attention to the level of practices. Therefore, in our theoretical model we supplemented this concept, based on the ideas of P. Bourdieu, with the analysis of practices. This article is based on the materials of a longitudinal empirical study in Ulan-Ude. Firstly, the strategies of socio-cultural adaptation of rural migrants living in squatter settlements (“nakhalovka”) were considered; secondly, to understand the specifics of socio-cultural adaptation of migrants living compactly in “nakhalovka”, we compared them with the adaptation strategies of rural migrants who settle in the city dispersed.

According to the results of the study, we found that rural migrants use a wide range of socio-cultural adaptation strategies. The longitudinal study also showed that strategies can change over time. An important finding of the study was the discovery of declarative adaptation strategies, when rural migrants talk about following one strategy, but at the level of practice use completely different ones. The key difference between migrants living compactly in “nakhalovka” and dispersed throughout the city was revealed in the example of assimilation strategies. The study also showed that the strategy of separation is characteristic not only for residents of squatter settlements, but also for villagers who live outside of migrant areas.

Keywords: migration; rural migrants; ethnic enclaves; squatter settlements; adaptation strategies; sociocultural adaptation; Buryatia; Ulan-Ude.

References

Abu-Lughod J. (1961) Migrant Adjustment to City Life: The Egyptian Case. *American Journal of Sociology*, 67(1): 22–32.

Alekseeva M.S. (2010) Selsko-gorodskaya migratsiya i problema samovolnykh poselenij v postsovetsoj Buryatii: sotsialno-ekologicheskij podkhod [Rural to Urban Migration and the Problem of Squatter Settlements in Post-Soviet Buryatia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 13(4): 128–129 (in Russian).

Alekseeva M.S., Galindabaeva V.V. (2014) Formirovanie konstruktov elitarnosti v kontekste processov social'noj segregacii gorodskogo prostranstva (na primere prospekta Pobedy v g. Ulan-Ude) [The Formation of constructions for social segregation of urban space (case-study of Pobeda Avenu in Ulan-Ude)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 17(3): 20–32 (in Russian).

Amogolonova D.D. (2008) *Sovremennaya buryatskaya etnosfera: diskursy, paradigmy, sociokul'turnye praktiki* [Modern Buryat ethnosphere: discourses, paradigms, socio-cultural practices]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta [Buryat State University Publishing House] (in Russian).

Amogolonova D.D., Elaeva I.E., Skrynnikova T.D. (2005) *Buryatskaya etnichnost' v kontekste sociokul'turnoj modernizacii (postsovet'skij period)* [Buryat ethnicity in the context of sociocultural modernization (post-Soviet period)]. Irkutsk: Radian (in Russian).

Badmaev A.Z. (2002) Neformal'nye molodezhnye associacii v Ulan-Ude [Informal youth associations in Ulan-Ude]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 1: 90–104 (in Russian).

Balkhanov I.G. (2003) Socializaciya i etnichnost' buryat v gorodskih usloviyah [Socialization and ethnicity of the Buryats in urban conditions]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 55–59 (in Russian).

Batomunkuev S.D. (2002) O sociokul'turnoj modernizacii i dvuyazychnij buryat [On the sociocultural modernization and bilingualism of the Buryats]. In: *Dvuyazychie v Buryatii: novye aspekty izucheniya* [Bilingualism in Buryatia: new aspects of study]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo centra [Publishing House of the Buryat Scientific Center] (in Russian).

Batomunkuev S.D. (2005) Etnicheskaya identichnost' v usloviyakh postsovetskogo Ulan-Ude [Ethnic Identity in the Context of Post-Soviet Ulan-Ude]. *Baikal*, special issue: 146–151 (in Russian).

Batomunkuev S.D. (2011) Tema urbanizacii buryat v neizvestnoj rukopisi povesti Platona Malakshinova «V dalekom gorode» (1941 g.) [The theme of urbanization of the Buryats in an unknown manuscript of Platon Malakshinov's story "In a distant city" (1941)]. *Tartaria Magna*, 1: 138–147 (in Russian).

Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1): 5–68.

Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, 34: 191–207.

Bourdieu P. (2007) Strategii vosпроизводства i sposoby gospodstva [Strategies of reproduction and methods of domination]. In: *Sociologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletejya: 97–120 (in Russian).

Brettell C. (2003) Bringing the city back in: Cities as contexts for immigrant incorporation. In: Foner N. (ed.) *American arrivals: Anthropology engages the new immigration*. Santa Fe: School of American Research: 163–195.

Brettell C.B., Hollifield J.F. (2015) Introduction. In: Brettell C.B., Hollifield J.F. (eds) *Migration Theory: Talking across Disciplines*. New York; London: Routledge.

Brettell C., Kemper R. (2010) Cityward Migration in Comparative Perspective. In: Gmelch G., Kemper R., Zenner W. (eds.) *Urban Life: Reading in the Anthropology of the City*. Fifth edition. Long Grove: Waveland Press: 347–358.

Budaeva D.C. (2011) Dvuyazychie kak vazhnyj sposob mezhnacional'noj konsolidacii [Bilingualism as an important means of international consolidation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 6: 110–113 (in Russian).

Buyanova A.Yu. (2006) Ulan-Ude: adaptaciya sel'skoj molodezhi k gorodskomu i obrazovatel'nomu prostranstvu [Ulan-Ude: adaptation of rural youth to urban and educational space]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 3: 24–40 (in Russian).

Chakars M. (2014) *The Socialist Way of Life in Siberia: Transformation in Buryatia*. Budapest; New York: Central European University Press.

Cornelius W.A. (1977) The Political Sociology of Cityward Migration in Latin America: Toward Empirical Theory. In: Abu-Lughod J., Hay J.R.R. (eds) *Third World Urbanization*. New York; London; Toronto: Methuen.

Costello M.A. (1987) Slums and Squatter Areas as Entrepots for Rural-Urban Migrants in a Less Developed Society. *Social Forces*, 66(2): 427–445.

Davydov V.N., Karbainov N.I., Simonova V.V., Chelishcheva V.G. (2006) *Aginskaya street tanets s ognem i alyuminievye strely prisvoenie kulturnykh landshaftov* [Aginskaya Street, Fire Dance and Aluminum Arrows: The Appropriation of Cultural Landscapes], Khabarovsk: Khabarovsk Scientific Center FAB RAS (in Russian).

Devyatko I. F. (1998). *Metody sociologicheskogo issledovaniya* [Methods of sociological research]. Yekaterinburg: Ural University Publishing House.

Dorzhiava I.C. (2009) Etnokul'turnye processy v srede gorodskih buryat (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [Ethno-cultural processes in the urban Buryat environment (based on sociological research)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 7: 98–102 (in Russian).

Erman T. (1998) Becoming “Urban” or Remaining “Rural”: The Views of Turkish Rural-to-Urban Migrants on the “Integration” Question. *International Journal of Middle East Studies*, 30(4): 541–561.

Faist T. (2000) Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture. *Ethnic and Racial Studies*, 23(2): 189–222.

Galindabaeva V.V. (2017) «Golovary» ili «istinnye buryaty»? reprezentacii sel'skoy maskulinosti v Buryatii [“Golovars” or “true Buryats”? representations of rural masculinity in Buryatia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 113–132 (in Russian).

Gordon M. (1964) *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press.

Graves N.B., Graves T.D. (1974) Adaptive Strategies in Urban Migration. *Annual Review of Anthropology*, 3(1):117–151.

Humphrey C. (2010) *Post-sovetskie transformatsii v aziatskoj chaste Rossii: antropologicheskie ocherki* [Post-Soviet Transformations in Asiatic Russia. Anthropological Studies], Moscow: Natalis (in Russian).

Isabaeva E. (2020) Squatters and the socialist heritage: A comparison of informal settlements in Kyrgyzstan and Kazakhstan. In: Grashoff U. (ed.) *Comparative Approaches to Informal Housing Around the Globe*. London: UCL Press: 95–109.

Karbainov N.I. (2004) «Gorodskie» i «golovary» v Ulan-Ude (molodyozhnye subkultury v borbe za sotsial'noe prostranstvo goroda) [The “Townsmen” and the “Golovary” in Ulan-Ude: Youth Subcultures in the Struggle for Urban Social Space]. *Vestnik Evrazii*, 2: 170–183 (in Russian).

Karbainov N.I. (2007) «Nakhalovki» Ulan-Ude: «ogorazhivanie» prigorodnoj zemli [“Nakhalovki” of Ulan-Ude: “Inclosure” of Suburban Territory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 11: 136–139 (in Russian).

Karpat K.H. (1976) *The Gecekondü: Rural Migration and Urbanization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lloyd P. (1979) *Slums of Hope? Shanty Town of the Third World*. Manchester: Manchester University Press.

Manzanova G. (2007) City of Migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian Migration. In: Alexander C., Buchli V., Humphrey C. (eds) *Urban Life in Post-Soviet Asia*. University College London Press: 125–135.

McGee T.G. (1971) *The Urbanization Process in the Third World: Explorations in Search of Theory*. London: G. Bell and Sons.

Minert L.K. (1983) *Arkhitektura Ulan-Ude* [Architecture of Ulan-Ude]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo [Buryat Book Publishing House] (in Russian).

Osinskiy I.I., Khabudaeva V.A. (2014) Tradicii v kul'ture sovremennoj buryatskoj molodezhi [Traditions in the culture of modern Buryat youth]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 6(2): 69–73 (in Russian).

Park R., Burgess E. (1969) *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago; London: Chicago University Press.

Peattie L., Aldrete-Haas J.A. (1981) "Marginal" Settlements in Developing Countries: Research, Advocacy of Policy, and Evolution of Programs. *Annual Review of Sociology*, 7: 157–175.

Portes A., Zhou M. (1993) The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *The annals of the American academy of political and social science*, 530(1): 74–96.

Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (1998) «Delat' znakomoe neizvestnym...»: etnograficheskiy metod v sociologii ["Making the familiar unknown...": an ethnographic method in sociology]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 1–2: 145–160.

Shmyt Z. (2013) «Modern nomads»: *Antropologicheskie ocherki sovremennykh buryatskih migratsij v Rossii* ["Modern Nomads": Anthropological Essays on Contemporary Buryat Migrations in Russia]. Irkutsk: Ottisk (in Russian).

Simić A. (1974) Urbanization and Cultural Process in Yugoslavia. *Anthropological Quarterly*, 47(2): 211–227.

Sodnompilova M.M. (2009) Selsko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovanie translokalnogo soobshchestva [Rural to Urban Migration in Buryatia: Formation of Trans-local Space]. In: Skrynnikova T.D. (ed.) *Gorod i selo v postsovetsoj Buryatii. Sotsial'no-antropologicheskie ocherki* [City and Village in Post-Soviet Buryatia: Socio-Anthropological Essays]. Ulan-Ude: BSC SB RAS Press: 165–186 (in Russian).

Thomas W.I., Znaniecki F. (1920) *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group*. Vol. 5. Organization and Disorganization in America. Boston: Richard G. Badger, The Gorham Press.

Tsenkova S., Potsiou C., Badyina A. (2009) *Self-made Cities: In Search of Sustainable Solutions for Informal Settlements in the United Nations Economic Commission for Europe Region*, New York; Geneva: United Nations Publications.

Yessenova S. (2010) Borrowed Places: Eviction Wars and Property Rights Formalization in Kazakhstan. In: Wood D.C. (ed.) *Economic Action in Theory and Practice: Anthropological Investigations*. Bingley: Emerald: 11–46.

Yudina T.N. (2004) *Sociologiya migratsii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya* [Sociology of Migration: Towards the Formation of a New Scientific Direction]. Moscow: Dashkov and Ko (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2007). Kategorizatsiya vzaimodejstvij: konstruirovaniye identichnosti v seksual'noj sfere [Categorization of interactions: the construction of identity in the sexual sphere]. In: E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds) *Rossijskij gendernyy poryadok: sociologicheskie podhody* [The Russian gender order: sociological approaches]. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg (in Russian).

Zhimbiyev B. (2000) *History of the Urbanization of a Siberian City: Ulan-Ude*. London: The White Horse Press.